Пров 49 К 46

Изданіе "ВОЛИ."

Г. А. ГЕРШУНИ.

1) *Разрушенный молъ, Г. А. Гершуни.*
2) *Авторъ разрушеннаго мола.*
3) *Гершуни послѣ Шлиссельбурга.*
4) *Дѣло Г. А. Гершуни.*

Ишк
ПС-р
Г
2 экз

НАГАСАКИ.

Типография газеты „ВОЛЯ."

1906 г.

„Пров 38"

„Пров 19"/46

1 шк

ПС-р

Г

БИБЛІОТЕКА ...ЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ ...АКАДЕМІИ

РАЗРУШЕННЫЙ МОЛЪ.

(Фантазія.)

На сѣверѣ мрачномъ и дикомъ, гдѣ вѣтеръ холодный своимъ леденящимъ дыханіемъ всему угрожаетъ живому, гдѣ старыя сосны и ели, попокрытыя саваномъ зимнимъ, лишь изрѣдка видятъ улыбку и ласку весенняго солнца—когда-то въ безбрежное море гранитной стѣной выдавался далеко-далеко огромный, рукой человѣка воздвигнутый молъ.

Высоко и гордо поднявшись надъ уровнемъ бурнаго моря, смѣясь надъ порывами волнъ, стоялъ онъ—огромный и черный.

И волны морскія — могучія, вольныя волны —вскипѣвались съ гранитной преградой, грозившей ихъ вольному бѣгу, — и длилась борьба вѣковая, и долго боролись съ преградой могучія, вольныя волны, пока не сломила ее тѣхъ волнъ непокорная воля.

И въ утро весеннее мая, лишь яркаго солнца лучи засіяютъ надъ моремъ, сильнѣй изумрудовъ блестятъ серебряныхъ волнъ переливы, и волны, играя, рѣзвясь надъ бездонной пучиною моря, пѣснь о борьбѣ вѣковой со стѣною гранитной поютъ.

* * *

Какъ вольныя птицы небесъ, были волны морскія свободны.

Буря мать ихъ баюкала пѣсней и въ весельи безпечномъ катились онѣ въ туманную даль.... Но мрачный и злобный тиранъ человѣкъ, завидуя участи волнъ, ихъ свободы лишить захотѣлъ, чтобъ гордо онѣ не носились надъ мощною бездной морей, чтобъ яркому солнцу, лазурному небу игриво онѣ не смѣялись...

Послалъ онъ послушныхъ рабовъ.

Покорные волѣ владыки, рабы принялись за работу: холодныя скалы изъ нѣдръ доставали земли и въ пучину морскую бросали.

И море взыгралось.

Весело волнамъ глядѣть, какъ скалы на дно упадаютъ; скачутъ, рѣзвятся, хохочутъ, угрюмыя скалы ласкаютъ.

226052

Шепчутся волны: „то-то раздолье! Изъ нѣдръ холодной земли къ намъ хмурыя гости пришли.

Шумною пѣсней ихъ встрѣтимъ, теплымъ привѣтомъ и лаской согрѣемъ, въ морѣ родимомъ вмѣстѣ рѣзвиться, свѣтъ и свободу славить мы будемъ!“

Весело юнымъ волнамъ.

Буря лишь мать, да отецъ-ураганъ злобнымъ свистомъ гостей провожаютъ, мрачно на скалы глядятъ.

А скалы все падаютъ въ море, тѣсно ложатся другъ къ другу, плотной стѣною растутъ, волны морскія тѣснить начинаютъ, ихъ бѣгу свободному путь преграждаютъ.

Смутилися волны, пугливо на мрачныя скалы глядятъ: впервые имъ путь прегражденъ, впервые ихъ скована воля...

И, робко свой бѣгъ продолжая, о скалы ударились грудью—со стономъ отхлынули прочь.. Стѣна холодна, неприступна...

Вздрогнуло море...

Мчатся угрюмыя волны. „Измѣна, измѣна!“ кричатъ. „Мы ихъ, какъ друзей, принимали.

Свободу, свободу украли у насъ!“

Рыдаетъ мать-буря. Съ ревомъ и плачемъ несется отецъ-ураганъ.

„О скалы, о, грозныя скалы! Когда-то и вы свободными были, когда-то и вы свободой дышали; зачѣмъ вы у дѣтокъ свободу украли?“

Нахмурились грозныя скалы. „Не наша въ томъ воля...“ —такъ мрачнымъ стономъ отвѣтъ ихъ пронесся; зловѣще надъ моремъ нависли нѣмыя громады...

Помчалась мать-буря, помчался отецъ-ураганъ со свистомъ и плачемъ надъ моремъ; волны сзываютъ, волнамъ вѣсть роковую несутъ:

„О волны! о, бѣдныя волны! Погибла, погибла свобода! Отнынѣ рабами мы стали...“

И мрачно умчался прочь.

И замерло море...

Могучія старыя волны въ пучину морскую ушли; не будитъ ихъ буря, отецъ-ураганъ ихъ не кличетъ...И юныя волны угрюмо катятся,— не слышно ни смѣха, ни пѣсенъ о славной свободѣ; и солнце тускло такъ свѣтитъ надъ ними, и небо такъ хмуро, такъ сѣро кругомъ...

Лишь юныя волны порой, истомившись въ

суровой неволѣ, отважною ратью сбирались, однѣ на врага ополчались...

Грудью, сомкнувшись, ударять объ острыя скалы—тщетно! нѣмыя громады не дрогнуть... Гулкимъ эхомъ лишь стонъ раздается—то стонутъ разбитыя груди отважныхъ бойцовъ...

И плакало море...

Шли годы... И много прошло ихъ...

Много волнъ молодыхъ о скалы грудь свою разбивали.—все мрачнѣй и мрачнѣй становилось вокругъ...

Смирилися волны, утихли... „Будемъ ждать, будемъ силъ набирать...“

Шли годы.

Окрѣпли юныя волны, гонцовъ во всѣ стороны моря онѣ разослали, спящихъ будить, всѣ волны на битву со скалами звать.

Спустились гонцы и въ пучины морскія къ старымъ волнамъ—старыя волны звать на борьбу.

Старыя волны угрюмо сѣдой головою качаютъ.

„Нѣтъ въ насъ ни мощи, нѣтъ въ насъ порыва. . .

Гдѣ намъ бороться! Гдѣ намъ со скалами

спорить!“

Бросились волны гонцы родимыхъ искать,—матушку бурю, урагана-отца призывать. Рыскали по морю—нѣтъ ихъ. Въ горныхъ ущельяхъ нашли.

„Съ привѣтомъ, съ поклономъ, родимые, къ вамъ мы гонцами пришли.

„Оставьте вы тѣсныя горы, въ безбрежное море летите!

„Сорвите позорныя цѣпи, что духъ нашихъ братьевъ сковали!

„Вдохните вы въ старыя волны духъ жизни и жажду свободы!

„Сберите вы грозныя рати и дружно на скалы ихъ двиньте.

„Не страшна намъ борьба и смерть не страшна. . . . Лишь было бы море свободно!“

Трепетно сердце забилось у матушки-бури, огнемъ загорѣлася кровь урагана-отца.

Рѣчи гонцовъ имъ напомнили добрые, старые годы.

Ласковымъ взоромъ окинули юныхъ гонцовъ старики.

Изъ горныхъ ущелій въ безбрежное синее

море ревомъ могучимъ несется призывный ихъ кличъ:

„Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ свободу спасать, свободу спасать, свободу спасать!

„Вставайте могучія волны! Разбейте оковы свободы, разрушьте преграды!“

Могучъ былъ тотъ кличъ боевой. Какъ вихря порывъ, какъ ударъ громовой, онъ властно надъ моремъ пронесся, спящихъ отъ сна пробуждалъ, старыхъ юными дѣлалъ, отвагу и бодрость внушалъ.

И волны вставали, и волны катились, послушныя зову борьбы.

Ночь глухая стояла надъ моремъ. Черныя тучи нависли кругомъ, какъ впервые раздался могучій призывъ.

Съ востока на западъ, съ юга на сѣверъ волны сбирались, въ стройныя строились рати. Юныя волны отвагой горятъ, первыя къ приступу рвутся.

Молніей буря надъ моремъ промчалась,— ураганъ на помощь несется.

Заревѣла буря, загрохоталъ ураганъ...

Поднята рать.

„Впередъ, могучія волны! Смерть или свобода!“ Съ воинственнымъ кличемъ къ мрачной стѣнѣ понеслись.

Вздрогнули хмурыя скалы. . . . близко ужъ волны. . . . Несутся быстрѣй и быстрѣй, грудью впередъ выступаютъ, грудью ударились въ скалы-замертво пали...

Брызги пѣны, горячей, какъ кровь, высоко надъ небомъ взлетѣли, дымясь и клокоча, холодныя скалы омыли...

Стонетъ мать-буря... „Дѣти, родныя дѣти! Ужъ первыя пали, много еще васъ падетъ, но сломимъ силу врага!“

Море клокочетъ...

Павшимъ на смѣну волны несутся... Какъ онѣ грозны, какъ онѣ мощны! Съ грохотомъ, ревомъ въ острыя скалы ударятъ, отпрянутъ назадъ, снова ударятъ и, разбиваясь, братьевъ на помощь зовутъ.

Крѣпко скалы стоятъ.

И утро настало-сѣрое, мрачное утро. Все скалы стоятъ неприступно, все свищетъ надъ волнами буря. А волны все гибнутъ, объ острыя скалы дробясь, разбиваясь...

Но мрачно, безстрашно все новыя волны катятся, и нѣтъ имъ конца, нѣтъ имъ предѣла, грознымъ волнамъ.

Море ушло съ береговъ; всѣ волны въ одну собирались дружину. Стонъ и ревъ надъ моремъ стоялъ.

Самъ злобный тиранъ, что скалы на море надвинулъ, теперь ужаснулся. Вздрогнуло черствое сердце при видѣ могучаго натиска волнъ.

Ужаса полный, онъ радъ бы теперь скалы раздвинуть, мощнымъ волнамъ хоть частицу свободы вернуть.

Но поздно, тиранъ! Ужъ волны не плачутъ, ужъ волны не молятъ! Слишкомъ много погибло тутъ волнъ, слишкомъ сладостна месть за погибшихъ!

Нѣтъ примиренья!

Какъ могучія львы, старыя волны на помощь младымъ понеслись! Разсыпались бѣлыя кудри... Земля задрожала кругомъ и солнце на небѣ померкло...

Несетъ ихъ отецъ-ураганъ, съ страшною силой на скалы бросая... И съ мрачной отвагой подъ кликъ бури могучей зловѣще и грозно несется

новая рать...

Чуютъ кругомъ: или свергнетъ холодныя скалы она, иль море могилой ей станетъ.

Мѣрно, безстрашно несется впередъ. Дружно ударила въ стѣну--дрогнули скалы подъ мощнымъ ударомъ.

Замерли волны. Отпрянули взадъ, съ буйнымъ бѣшенствомъ ринулись снова. . . . Все въ свалкѣ смѣшалось.

Стонъ и грохотъ надъ моремъ стоялъ, и море, казалось, со дна поднялось и съ небомъ слилось.

И рухнули скалы...

Подъ послѣднимъ ударомъ онѣ поддались и съ шумомъ зловѣщимъ сверглись въ морскую пучину, гдѣ павшія волны лежали...

„Прочь, позорные трупы!“ Скаламъ низвергнутымъ море реветъ:

„Здѣсь могила отважныхъ борцовъ за свободу, здѣсь юныя волны лежатъ !“

Разверзлось дно моря и въ мрачную бездну съ проклятіемъ скалы упали... „Наша-ль вина ?... Волнамъ--слава, намъ--вѣчный позоръ за позорное дѣло “...

Ликуетъ безбрежное море. Оно побѣдило

могучую силу врага...

И волны свободно катятся, и славятъ погибшихъ борцовъ, что юною жизнью своею братьямъ свободу вернули.

Слава погибшимъ, живущимъ--свобода!

Г. Гершуни.

АВТОРЪ „РАЗРУШЕННАГО МОЛА“

Когда впервые передъ читателемъ появилась эта кор тенькая, но сильная «фантазія», молва приписала ее перу Максима Горькаго. Но это была ошибка. Дѣйствительный авторъ ея Григорій Андреевичъ Гершуни. Въ то время онъ еще не могъ быть извѣстенъ широкимъ кругамъ.

Но въ февралѣ 1904 г. его имя вдругъ облетѣло всю Россію, и передъ взоромъ мало-мальски чувствующихъ людей возсталъ прекрасный образъ борца за великое дѣло свободы и справедливости.

18-го февраля 1904 г, онъ выступилъ въ качествѣ обвиняемаго передъ С-Петербургскимъ Военно-Окружнымъ судомъ. Это былъ процессъ Боевой Организаціи Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ. Гершуни обвиняли въ томъ,

что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Боевой Организаціи и руководилъ дѣломъ убійства министра Сипягина, уфимскаго губернатора Богдановича и—покушенія на жизнь харьковскаго губернатора Оболенскаго. Дѣло разбиралось при закрытыхъ дверяхъ, и видѣть и слышать Гершуни могли только немногіе избранники жандармовъ и полиціи, допущенные въ залъ засѣданія. Но, несмотря на «закрытыя двери», имя Гершуни послѣ этихъ дней стало широко передаваться изъ устъ въ уста. Онъ заставилъ невольно преклониться передъ собой даже одеревѣнѣлыхъ судей и тюремщиковъ, которые съ удивленіемъ смотрѣли на этого необыкновеннаго человѣка, возбудившаго въ нихъ невольное чувство уваженія. Одинъ изъ «судей» сказалъ громко послѣ «суда»: «да, вотъ это, дѣйствительно, человѣкъ».

Прежде, чѣмъ сдѣлаться революціонеромъ Гершуни занимался легальной дѣятельностью. Онъ считалъ главной цѣлью своей жизни—служить народу. Онъ вѣрилъ въ народъ, любилъ его и хотѣлъ посвятить ему всѣ свои силы. Онъ говорилъ: „Я вѣрю: великія дѣла прав-

ды и справедливости совершить этотъ народъ". И Гершуни занялся просвѣщеніемъ народа: устраивалъ народныя чтенія, работалъ въ школахъ — стараясь не выходить изъ круга дозволеннаго русскими законами. Но чѣмъ глубже онъ входилъ въ дѣло, чѣмъ больше онъ сталкивался съ народными нуждами, тѣмъ ему яснѣе рисовалась картина русской жизни: онъ видѣлъ, что народъ голодаетъ, мретъ отъ болѣзней, живетъ въ тѣснотѣ, грязи и бѣдности, несмотря на то, что работаетъ съ ранняго утра до поздняго вечера, а правительство не только не идетъ ему на помощь, но закрываетъ всѣ пути дѣятельности передъ людьми, желающими помочь народу. Оно не позволяетъ въ школахъ учить дальше азбуки, и народу нельзя даже разсказать о причинахъ его бѣдствій, потому что это не выгодно правительству. Ему нужно держать народъ въ темнотѣ и невѣжествѣ и, пользуясь этимъ, выжимать изъ него всѣ соки.

Правительство знаетъ, что если народъ пойметъ положеніе дѣлъ, то захочетъ освободиться отъ гнета и безправія, и тогда не сдобровать ему. Гершуни увидѣлъ еще, что въ Россіи

нѣтъ закона, что тутъ судьба 130 милліоновъ русскихъ людей въ рукахъ небольшой, но отлично спѣвшейся кучки людей, которые думаютъ только о своей выгодѣ и вершатъ всѣ дѣла въ тайнѣ канцелярій. Правду не допускаютъ до народа, правду гонятъ и преслѣдуютъ. Правда должна скрываться, дѣйствовать тайкомъ, противъ воли начальства, противъ издаваемыхъ имъ законовъ. Русскіе законы только прикрываютъ несправедливости и насилія надъ народомъ. И вопіющая несправедливость всего этого выяснялась ему больше и больше; съ каждымъ днемъ онъ все сильнѣе чувствовалъ, что надо выбирать между правдой и — покорностью правительству. Правительство не пускало къ народу его истинныхъ друзей, которые хотѣли ему помочь въ его несчастіи, научить его, какъ избавиться отъ бѣды. Гершуни не могъ итти противъ своей совѣсти, и у него начались столкновенія съ начальствомъ. Ему осталось теперь одно, что онъ и сдѣлалъ. Онъ рѣшилъ помочь народу втайнѣ отъ правительства, чтобы ему ни мѣшало. Съ этой цѣлью онъ оставилъ свое прежнее дѣло, скрылся съ родины-

перемѣнилъ фамилію, поступилъ въ партію Соціалистовъ-Революціонеровъ и сталъ дѣйствовать прямо противъ правительства. Съ этой минуты начинается его революціонная дѣятельность. Но вначалѣ и революціонная дѣятельность представлялась ему, какъ дѣятельность исключительно мирная. Онъ видѣлъ ясно, что для того, чтобы народъ вышелъ изъ тьмы и бѣдности—нужно, чтобы онъ сталъ развитѣе, чтобы онъ имѣлъ больше правъ, больше земли, чтобъ самъ вершилъ свои дѣла и не работалъ за безцѣнокъ на фабрикахъ дни и ночи. Народу нужно созвать Земскій Соборъ (иначе говоря--Представительное Собраніе) изъ представителей всѣхъ людей русскихъ, свободно избранныхъ народомъ для установленія порядка на Руси. И всему этому Гершуни со своими новыми друзьями училъ народъ словомъ и дѣломъ. Въ другихъ странахъ такая дѣятельность не запрещается законами и еслибъ Гершуни жилъ не въ Россіи, то ему можно было бы свободно и открыто высказывать то, за что въ Россіи грозитъ тюрьма, Сибирь, ссылка и только поэтому ею приходилось

заниматься тайно, наперекоръ правительству, иначе сказать--революціонно. Отдавшись всей душой и до конца своему дѣлу, Гершуни однако скоро увидѣлъ, что на этомъ остановиться нельзя.

Всѣ, кто не могъ терпѣть притѣсненій, боролись сколько хватало силъ, а правительство ни передъ чѣмъ не останавливалось, чтобъ только задавить пробужденное народное сознаніе.

Оно разсылало за самыя пустяшныя дѣла на далекія окраины Сибири, бросало въ тюрьмы, безчеловѣчно избивало на улицахъ, въ кутузкахъ, сѣкло крестьянъ, когда доведенные до отчаянія, они вставали наконецъ на свою защиту. Съ такимъ звѣремъ-правительствомъ уже нельзя было ни о чемъ разговаривать, осталось одно: защищаться, хотя бы даже и пулями, т. е. прибѣгнуть къ террору, и на насиліе отвѣтить силой. Честные люди не могли больше сносить этихъ надругательствъ и спокойно ждать, пока наконецъ весь народъ пойметъ, что отъ него одного зависитъ избавить Россію отъ всѣхъ ужасовъ. Чѣмъ сильнѣе жало правительство, тѣмъ сильнѣе приходилось бороться

съ нимъ. И вотъ раздались выстрѣлы въ царскихъ слугъ. Одинъ за другимъ падаютъ сраженные министры. Долго революціонеры не хотѣли доходить до этой крайней мѣры, но они увидѣли, что сейчасъ это необходимо, что спускать нельзя. Нужно было, чтобы правительство узнало, что оно не можетъ безнаказанно совершать всѣ свои злодѣянія, что злодѣевъ нужно наказывать, хотя бы они были и министры, что если царь этого не дѣлаетъ, если онъ за одно со своими вѣрными слугами, то есть люди, которые не допустятъ этого и сами накажутъ злодѣевъ за ихъ дѣла. Свои удары революціонеры направляли на самыхъ опасныхъ враговъ народа, на тѣхъ изъ царскихъ слугъ, которые имѣли въ то время больше силы и больше другихъ издѣвались надъ рабочими людьми, будучи новыми устроителями звѣрствъ, совершаемыхъ надъ народомъ. Этими убійствами русскіе люди показали, что у нихъ есть много разныхъ средствъ и способовъ защищать себя отъ издѣвательства. Само правительство своими звѣрствами заставило революціонеровъ взяться за оружіе. Все

это понялъ и Гершуни, и изъ мирнаго дѣятеля, онъ постепенно сдѣлался террористомъ. Все это онъ разсказывалъ въ своей рѣчи на судѣ и прибавилъ: «Въ дѣятельности своей я руководствовался только сознаніемъ своего долга и интересами трудового народа, и долгъ свой передъ нимъ я считаю честно выполненнымъ, ни въ чемъ себя не упрекаю и вѣрю, что и онъ, понявъ, не упрекнетъ меня.» А вотъ судьи (сказалъ онъ) должны будутъ отвѣтить народу за что такіе люди, которые жертвуютъ своей жизнью за благо народа, находятся въ тюрьмахъ, въ Сибири, въ ссылкѣ, на каторгѣ и посылаются на висѣлицу. Онъ закончилъ свою рѣчь такъ: «Я знаю, что дорога отсюда ведетъ прямо на висѣлицу и ни о какомъ снисхожденіи я у васъ не прошу.» За все это Гершуни осудили и приговорили къ смертной казни.

Приговоръ къ смертной казни Гершуни принялъ съ тѣмъ-же стальнымъ спокойствіемъ и въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ товарищамъ писалъ, что его «жизнь сложилась счастливо» и что ему «не въ чемъ упрекнуть судьбу».

Весь онъ вылился въ этомъ письмѣ къ товарищамъ: «Я не думалъ, что умирать такъ легко», пишетъ онъ по выслушаніи смертнаго приговора.

„Да, легко умирать тому, кто жилъ полной жизнью, отдаваясь весь безъ остатка своему великому дѣлу и вѣря, что смерть его приблизитъ часъ великаго избавленія всего обездоленнаго трудоваго народа. Ему легко умирать и потому, что онъ не одинъ, что на полѣ битвы осталось много борцовъ, которые не отступятъ передъ врагомъ, которые готовы пасть мертвыми, а на смѣну имъ идутъ все новыя и новыя народныя полчища. „Въ наше время легче умирать, мы дышемъ одной грудью съ пролетаріатомъ и крестьянствомъ“, говоритъ Гершуни въ томъ же письмѣ; «великія дѣла правды и справедливости совершитъ этотъ народъ», послѣ побѣды.

Гершуни не былъ казненъ. Вмѣсто смертной казни его заключили въ Шлиссельбургскую крѣпость на многолѣтнюю муку. Тяжка эта мука, но велика будетъ жатва, которой она послужитъ сѣменемъ.

Работая въ партіи Соц.-Револ., Гершуни былъ не простымъ ея рядовымъ членомъ. Обладая сильнымъ умомъ, глубокимъ чувствомъ и стальнымъ характеромъ, онъ отдалъ всѣ свои лучшія качества на служеніе дѣлу революціи. Здѣсь Гершуни былъ на своемъ мѣстѣ: это огромное, разнообразное дѣло давало исходъ его разносторонне-одаренной натурѣ. Онъ въ каждый данный моментъ ясно понималъ настоящее положеніе дѣлъ, схватывая его въ цѣломъ и строилъ обширныя планы дѣйствія, не забывая при этомъ и каждой частной мелочи. Но этого мало; въ каждое дѣло онъ влагалъ не только всѣ силы своего ума,--дѣлая свое дѣло съ любовью, онъ сообщалъ ему душу живую. Самое дѣло въ его рукахъ оживлялось, становилось ярче, красивѣй. Онъ украшалъ его своимъ воображеніемъ и этимъ смягчалъ отчасти трудности жестокой борьбы. Сильная стальная воля помогала ему стойко переносить всѣ тягости суровой жизни борца, лишеннаго всего того, что такъ смягчаетъ неприглядную дѣйствительность. Лучшей наградой, лучшимъ утѣшеніемъ для него былъ успѣхъ дѣла, въ которое онъ вѣрилъ

всей душой. Умѣя излагать свои мысли и чувства на бумагѣ съ такой же силой, какую онъ вкладывалъ и въ практическое дѣло, онъ и этотъ свой талантъ посвятилъ дѣлу революціи. Кромѣ помѣщеннаго здѣсь „Разрушеннаго мола" Гершуни еще написалъ нѣсколько прокламацій и статей. Изъ послѣднихъ упомянемъ: «Знаменательная годовщина» (о Карповичѣ въ Революціонной Россіи» номеръ 4). «Гиршъ Лекертъ» (о выстрѣлѣ въ фонъ-Валя въ «Рев. Рос.» номеръ 7). «Изъ партійной дѣятельности» о дѣлѣ Балмашева въ «Р. Р.» номеръ 11). «Реформа Ванновскаго», «Рабочее движеніе и жандармская политика», и много другихъ замѣтокъ, сообщеній, корреспонденцій, прокламацій и интересныхъ писемъ, которыя не всѣ были опубликованы.

Видя передъ собою образы людей въ родѣ Григорія Андреевича, зная объ ихъ благородныхъ, полныхъ жизни и мощи дѣлахъ, легче жить и дышать, легче бороться и умирать, и все больше и больше вѣрится, что не далекъ уже часъ побѣды подъ Краснымъ Знаменемъ всеобщаго обновленія. Пойдемъ же смѣлѣй за

ними, товарищи и не обманемъ ихъ ожиданія! Но, какъ «могучія волны» морскія, «съ воинственнымъ кличемъ: смерть или свобода!» —понесемся на «холодныя, хмурыя скалы» и разрушимъ до основанія надтреснутый молъ самодержавія и капитализма, преграждающій путь къ свѣту и свободѣ! Смѣлѣй, товарищи!

Послѣ осужденія, Г. А. Гершуни, былъ, какъ уже сказано выше, заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Прошелъ годъ, въ теченіи котораго о шлиссельбургскихъ узникахъ доходили на волю лишь смутныя извѣстія.

Но когда вслѣдъ за манифестомъ 17 октября по всей Россіи разлился одинъ всеобщій кличъ объ амнистіи, изъ Шлиссельбурга были выпущены старые заключенные: Михаилъ Федоровичъ Фроленко, Николай Александровичъ Морозовъ, Михаилъ Родіоновичъ Поповъ, Михаилъ Васильевичъ Новорусскій, Іосифъ Дементьевичъ Лукашевичъ, Германъ Александровичъ Лопатинъ, Сергѣй Андреевичъ Ивановъ, Николай Петровичъ Стародворскій и Петръ Леонтьевичъ Антоновъ.

Но осужденные за послѣдніе 5-6 лѣтъ, и въ числѣ ихъ Г. А. Гершуни, оставались еще около полугода въ Шлиссельбургской крѣпости и наконецъ въ февралѣ всѣ они были переведены въ Москву--по однимъ свѣдѣніямъ для отправки въ Акатуйскую каторжную тюрьму, по другимъ--въ Архангельскую губернію.

Вотъ что сообщаетъ о Г. А. Гершуни его братъ, видѣвшійся съ нимъ въ Москвѣ.

Г. А. ГЕРШУНИ ВЪ МОСКВѢ.

Изъ Шлиссельбургской крѣпости Г. А. Гершуни, какъ извѣстно, переведенъ въ Москву, гдѣ онъ содержится въ Бутырской тюрьмѣ. Старшій братъ узника, проживающій постоянно въ Петербургѣ, ѣздилъ со своей женой и дѣтьми въ Москву повидать его, и, можно сказать, ему посчастливилось. Ему дали три свиданія съ братомъ, каждое продолжалось не меньше часа. Вотъ что онъ разказалъ одному журна-

листу: „Братъ выглядитъ хорошо, онъ мало измѣнился, настроеніе его очень бодрое, онъ вовсе не палъ духомъ. Онъ такой же оживленный, какъ прежде, любитъ острить. При мнѣ подходитъ къ нему жандармскій офицеръ и говоритъ: „Не хотите-ли остричься, Григорій Александровичъ, парикмахеръ здѣсь". „Нѣтъ, —отвѣчаетъ братъ,--въ гости я, кажется, не собираюсь, да и не жду гостей къ себѣ, отложимъ это на другой разъ".

„Отъ брата я каждый разъ уходилъ успокоенный. Бодрое настроеніе не покидало его даже въ Петропавловской крѣпости, куда его отвезли послѣ того, какъ судъ вынесъ ему смертный приговоръ. О томъ, что ему даровали жизнь, мы, родные его, узнали 5-го марта 1904 года, наканунѣ Пасхи. Плеве былъ очень недоволенъ этой милостью. „Онъ у меня сгніетъ въ Петропавловкѣ!"--воскликнулъ онъ. Режимъ, которому подвергли брата въ крѣпости, былъ поистинѣ жестокій, ему даже книгъ не давали. Послѣ смерти Плеве, брата моего перевели въ октябрѣ 1904 г. въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ провелъ годъ въ старой тюрьмѣ, отдѣленный отъ

другихъ „шлиссельбуржцевъ“, и только въ октябрѣ 1905 года его перемѣстили въ новое зданіе, гдѣ содержались остальные политическіе. Вмѣстѣ съ ними онъ провелъ всего полтора мѣсяца. Товарищи узнали отъ брата много интересныхъ новостей. Онъ внесъ много радостей въ ихъ жизнь, подружился со всѣми, служилъ источникомъ бодрости для всѣхъ. Между прочимъ, могу разсказать вамъ небезынтересный фактъ изъ шлиссельбургскаго періода. Еще прежде, чѣмъ осудили Гершуни и Мельникова на смерть, во дворѣ крѣпости были поставлены двѣ висѣлицы. Брату и Мельникову даровали жизнь 5-го марта, но висѣлицы долго еще стояли, ихъ только послѣ Пасхи приказали убрать. Послѣ операціи братъ чувствуетъ себя хорошо. Намъ выдали палецъ ноги, отрѣзанный хирургомъ, и мы, въ свою очередь, передали его въ бактеріологическій институтъ доктора Блюменталя. Исполнившій операцію докторъ Лебедевъ выразилъ опасеніе, что мы имѣемъ дѣло съ туберкулезомъ, и вотъ мы съ нетерпѣніемъ ждемъ теперь результата изслѣдованія. Какимъ твердымъ характеромъ обладаетъ братъ и до какой

степени онъ нелюбитъ жаловаться, вы можете судить еще вотъ по какому обстоятельству: по выходѣ изъ Шлиссельбурга онъ ничего не сказалъ намъ о болѣзни и о томъ, что докторъ Самчукъ 26 разъ рѣзалъ его палецъ. Если бы не докторъ Мельниковъ, мы такъ и не узнали бы о болѣзни брата.

Сколько времени Гершуни останется въ Бутырской тюрьмѣ, намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что изъ Москвы его отправятъ въ Сибирь на каторгу. Бутырская тюрьма отвратительная: камеры грязныя, пища скверная, Гершуни дозволено получать провизію изъ города, но онъ просилъ не доставлять ему ничего лишняго, не привозить лишнихъ вещей. Ему неловко передъ уголовными, которые содержатся вмѣстѣ съ нимъ и должны питаться только тѣмъ, что даетъ тюрьма.

Въ Бутырской тюрьмѣ находится еще четыре политическихъ, кромѣ Гершуни. Мы въ Москвѣ встрѣтились съ родственниками Карповича и Мельникова--здоровы. Сазоновъ же боленъ: отъ взрыва бомбы, которую онъ бросилъ въ Плеве, онъ оглохъ на одно ухо, теперь онъ не

слышитъ и другимъ ухомъ, а кромѣ того ноги у него заболѣли. Сикорскій здоровъ, но упалъ духомъ, вѣроятно, оттого, что никто изъ родственниковъ не навѣстилъ его въ Москвѣ".

ПИСЬМО ГЕРШУНИ.

(*Изъ Бутырской тюрьмы въ Москвѣ.*)

Дорогіе товарищи! Я все еще нахожусь подъ радостнымъ впечатлѣніемъ свиданія съ вами. Петропавловскій и шлиссельбургскій режимъ такъ отучилъ насъ отъ возможности какой бы то ни было стрѣчи съ товарищами, что сначала—когда я увидѣлъ стоящаго на крыльцѣ товарища—мнѣ и въ голову не приходило, чтобы это могъ быть свой, политическій. Потомъ, когда вы всѣ бросились навстрѣчу, когда увидѣлъ столько бодрыхъ славныхъ лицъ, я такъ растерялся, что даже не успѣлъ вамъ высказать тѣ чувства, которыя овладѣли нами, когда мы еще въ Шлиссельбургѣ узнали о вашей борьбѣ. О нашей жизни въ Шлиссельбургѣ вы, конечно, знаете изъ многочисленныхъ сообщеній, печатавшихся до декабря, такъ что объ этомъ нѣтъ надобности писать. Для полноты картины сообщу вамъ вкратцѣ ту обстановку, которую создалъ въ послѣднее время Плеве. Недѣли три послѣ конфирмаціи приговора Плеве не вмѣшивался. Давали

свиданія и со дня на день ждали перевода въ Шлиссельбургъ, но въ первыхъ числахъ апрѣля комендантъ получилъ предписаніе прекратить свиданія и отобрать книги и письменныя принадлежности. При абсолютной изоляціи, полной неизвѣстности, сколько времени имъ заблагоразсудится такъ держать и что еще готовять впереди, при полной физической и умственной бездѣятельности, въ сущности сойти съ ума можно очень легко и съ большимъ удобствомъ. Несомнѣнно самое дьявольское и совершенно невыносимое наказаніе—это лишеніе книгъ. Проходили мѣсяцы, я уже потерялъ всякую надежду выбраться когда либо изъ знаменитаго 46 №... Да, вѣроятно, и не выбрался бы, если бы провидѣнію не угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ своихъ пресѣчь дни В. Конст. Меня необходимо было убрать изъ Петропавловской крѣпости еще и потому, что въ противномъ случаѣ должны были примѣнить манифестъ 11 августа, а единственное мѣсто, гдѣ правительство гарантировано отъ всякихъ манифестовъ для политическихъ—это Шлиссельбургъ. Они устроили себѣ довольно „милый законъ“, нигдѣ, конечно, не

опубликованный, по которому заключенные въ Шлиссельбургѣ изъяты отъ дѣйствія всякихъ манифестовъ, а послѣдніе примѣняются въ видѣ особой монаршей милости и по спеціальному распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ.

И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней явились объявить, что завтра переведутъ въ Шлиссельбургъ. Съ 15 августа 1904 г. такимъ образомъ я уже числился въ Шлиссельбургѣ, хотя привезли туда только 1 сентября. Доставили насъ на казенномъ пароходѣ, изъ Петропавловской увезли въ 5 час. утра. Видъ Шлиссельбурга, когда выходите съ парохода, подавляющій. Крѣпость представляетъ собою маленькій островъ въ устьѣ Невы, около одной съ половиной десятины всего. Стѣны поднимаются прямо изъ воды. Стѣны сѣрыя, покрытыя плѣсенью, невѣроятно мрачныя. Крѣпость окутана туманомъ, а ладожскія волны злобно бьются объ эти неприступныя громады. Въѣздъ въ крѣпость напоминаетъ туннель, въ раскрытыя ворота виднѣется темная прорѣзь. Надъ воротами двуглавый орелъ и надпись громадными золотыми буквами: „Государева", въ

простотѣ душевной изображенная, очевидно, вмѣсто „Государственная тюрьма“.*)

У воротъ насъ встрѣчаетъ цѣлая рота жандармовъ**) и, водя по какимъ то лѣстницамъ, коридорамъ, казармамъ, наконецъ приводятъ въ пріемный покой. Удивительное чувство охватываетъ васъ, когда вы входите въ ворота, вѣрнѣе —въ зіяющую пасть этой крѣпости. Передъ вами поднимается весь мракъ таинственности, окутывающей эту „Государеву“ охрану; всѣ ужасы, слышанные о ней, встаютъ тѣни погибшихъ и образы томящихся тамъ, и вамъ невольно хочется пасть ницъ предъ этимъ мѣстомъ скорби и страданія и предъ этой голгофой русской революціи—нѣмой свидѣтельницей величавыхъ трагедій и геройскихъ мукъ. Сердце бьется сильно и радостно въ гордомъ сознаніи, что на твою долю

*) При въѣздѣ въ шлиссельбургскую крѣпость бросается въ глаза еще шпицъ надъ воротами и золотой ключъ, укрѣпленный на немъ.

**) Другихъ доставляли въ ручныхъ кандалахъ, причемъ во время «ходьбы» обступала такая толпа жандармовъ, шедшихъ спереди и сзади и по сторонамъ вплотную, что человѣкъ не шелъ, а его именно тащила эта бѣжавшая вокругъ толпа.

выпалъ рѣдкій удѣлъ переступить этотъ зловѣщій порогъ, что за тобой захлопнется дверь, захлопнется навсегда и ты очутишься хотя и внѣ жизни, но на одномъ клочкѣ земли съ этими стойкими борцами за свободу. Въ пріемномъ покоѣ (канцелярія внѣ тюрьмы) съ васъ снимаютъ платье и раздѣваютъ до гола и облекаютъ въ арестантскій костюмъ. До поздняго вечера васъ держатъ здѣсь и вы стараетесь предугадать, куда же васъ поведутъ, какъ васъ будутъ держать. Жандармы при васъ—нѣмые, какъ статуи—не отлучно. Въ 8 час. веч. являются два жандармскихъ офицера: «одѣваться». Вы съ трудомъ напяливаете на себя халатъ и ноги теряются въ необъятыхъ котахъ. Вы собираетесь уже идти, какъ вамъ накидываютъ на голову башлыкъ, капюшонъ завязываютъ вокругъ шеи, жандармы подхватываютъ васъ подъ руки и куда то влекутъ. Трудно передать то ужасное впечатлѣніе, которое производитъ эта „ходьба“ съ закрытыми глазами, впечатлѣніе тѣмъ сильнѣе, что это безобразіе раньше никогда не продѣлывалось, вы совершенно его не ждете, не понимаете его значенія и конечно рисуете себѣ всякіе ужасы. Вы чувству-

ете, что васъ ведутъ по какимъ-то лѣстницамъ, то вверхъ, то внизъ, ***) потомъ васъ обдаетъ свѣжій

***) Очевидно Г-ни вели какимъ-то потайнымъ ходомъ, такъ какъ на томъ пути, какимъ проводили раньше, лѣстницъ совершенно нѣтъ.

При проведеніи въ камеру новаго заключеннаго употребляли всѣ мѣры къ тому, чтобы сидящимъ въ крѣпости не могло сдѣлаться извѣстнымъ о прибытіи новаго лица.

Приводить нельзя было иначе какъ черезъ дворъ, и въ это время хоть на минуту изъ камеръ можно видѣть «процессію». Чтобы лишить заключенныхъ и этой возможности узнать что либо, новыхъ шлисельбуржцевъ стали проводить по двору подъ самыми стѣнами тюрьмы; но все же на мгновеніе и въ этомъ случаѣ можно было видѣть изъ окошекъ, что провели кого-то. Обыкновенно по какимъ-нибудь признакамъ узнавали, что готовится прибытіе новаго товарища съ воли, и по камерамъ устраивались дежурства, чтобы не пропустить того мгновенія, когда онъ промелькнетъ по двору.

Замѣчательно, что Карповича провели въ его собственномъ платьѣ. Карповичъ смотрѣлъ на окна и, махалъ шляпой, привѣтствовалъ встрѣчавшихъ его изъ камеръ. И въ этотъ же день всѣ уже знали, что пріѣхалъ новый «молодой... красивый»... Съ Карповичемъ знакомство состоялось на другой же день; на прогулкѣ онъ ухи-

воздухъ, идете долго по гранитнымъ плитамъ, проходите подъ какіе то своды, гдѣ шаги отдаются невѣроятно гулко, какіе то тѣсные корридоры, гдѣ слышенъ стукъ ружей, опять ступени, какъ будто спускаетесь въ какой то подвалъ, слышно, какъ громыхаютъ желѣзныя ворота, протиски-

---

трился влѣзть на заборъ своей клѣтки и высунулся по поясъ. Конечно, сейчасъ же онъ долженъ былъ скрыться. Но скоро удалось познакомиться съ нимъ и ближе. Узнали, что Карповичъ объявилъ голодовку. Рѣшено было уговорить его голодовку прекратить; для этого Стародворскій отважился перелѣзть черезъ заборъ и спрыгнуть въ клѣтку Карповича. Моментально туда явились жандармы и потребовали, чтобы тотъ удалился. Но Стародворскій спокойно отвѣтилъ, что ему нужно окончить разговоръ, и черезъ пять минутъ онъ готовъ уйти. Очевидно смѣлость поступка ихъ такъ ошеломила, что они согласились «на пять минутъ». Когда назначенный срокъ прошелъ, Стародворскій, кончивъ переговоры, вышелъ изъ клѣтки. Такимъ образомъ удалось удержать Карповича отъ голодовки.

Примѣчанія дѣланы однимъ изъ старыхъ Шлиссельбуржцевъ.

ваетесь черезъ какіе то тѣсные проходы, идете, идете безъ конца—и все время въ ушахъ отдается ужасный гулъ многочисленныхъ шаговъ...

Вдругъ, все останавливается, вы какъ то не замѣчаете, какъ съ васъ снимаютъ капюшонъ, и васъ обдаетъ яркимъ свѣтомъ. Вы дико озираетесь кругомъ, стараясь сообразить, гдѣ вы. Небольшая камера, арестантская койка, желѣзный столикъ, рѣшетка—знакомая картина. Вся ватага жандармовъ высыпаетъ изъ камеры, щелкаетъ замокъ—вы остаетесь одинъ, начинаете приходить въ себя. Вотъ оно, наконецъ, шлиссельбургское видѣніе. Вы даже приблизительно не представляете себѣ, гдѣ вы: погребъ ли это, въ какой то части крѣпости, есть ли здѣсь какъ я либо камера, что представляетъ собою это зданіе—сплошная загадка. Тишина подавляющая. Какъ будто вы очутились на какомъ то мертвомъ островѣ. Только каждыя нѣсколько минутъ къ глазку неслышно подкрадывается кто-то и наблюдаетъ за вами Угнетенный всѣмъ пережитымъ и перечувствованнымъ, вы бросаетесь на койку, но конечно не смыкаете глазъ. Все свершилось

—вы на шлюссель-койкѣ. Кто лежалъ на ней до васъ? Кто переживалъ то же чувство, такъ же горѣлъ этимъ священнымъ огнемъ? какіе ужасы развертывались вотъ въ этихъ четырехъ стѣнахъ? Быть можетъ, приговоренные къ казни проводили послѣднюю ночь; быть можетъ, здѣсь отъ нестерпимой тоски и жизни сходили съ ума; быть можетъ, здѣсь себя сжигали, перерѣзывали горло? А теперь вотъ выбѣлено, очищено, и погибшимъ, ушедшимъ ты приходишь на смѣну.

Такъ называемая старая тюрьма или «старій» на мѣстномъ нарѣчіи, представляетъ собой низкое придавленное къ землѣ зданьице, шаговъ 15 ширины и 50 длины, помѣщенное въ цитадели (крѣпость въ крѣпости), обѣими стѣнами упираясь въ крѣпостныя стѣны. Зданіе очень старое; вѣрнѣе всего это и есть именно то помѣщеніе гдѣ находилась стража Іоанна Антоновича, камера котораго находится тутъ же. Зданіе пропитавшее, пропитанное сыростью и затхлостью насквозь, такъ что, несмотря ни какую топку и окраску, стѣны отъ пола на аршинъ покрыты плѣсенью, точно бархатными шпалерами, и со стѣнъ прямо сочится вода. Въ этомъ корпусѣ всего на-

ходится 10 камеръ. Противъ окна крѣпостная стѣна, по которой ходитъ жандармъ съ винтовкой. На прогулку выводятъ въ маленькій простѣнокъ между сараемъ и крѣпостной стѣной, тамъ, гдѣ казненъ и похороненъ Степанъ Балмашовъ. Общій видъ, особенно, когда поднимается туманъ или зимой, когда все—и стѣна, и воздухъ, и небо, принимаетъ однообразный, какой-то каторжно-сѣрый колоритъ, дѣйствуетъ невѣроятно подавляющее. Постепенно складывается ощущеніе каменнаго гроба, усиливающееся еще потому, что вы никогда ничего, кромѣ этого, не видите, за двери «сарая» васъ никогда не выводятъ, и вы начинаете терять представленіе о живомъ мірѣ. Надо отдать справедливость, они добиваются полнѣйшей изоляціи. Жандармскимъ унтерамъ строжайше запрещено о чемъ бы то ни было говорить съ заключенными, что они тщательно и выполняютъ. Достаточно вамъ сказать, что объ убійствѣ Плеве я узналъ только въ сентябрѣ 1905 г., когда перевели на общее положеніе****). Эта-то полная оторванность отъ живого

****) Долгое время не знали о томъ, что Плеве назначенъ министромъ вн. д. Только по энц. слов. въ словахъ на букву П—прочли о его назначеніи.

міра дѣйствуетъ такъ ужасно на психику. Въ августѣ 1905 г. получили журналъ «Хозяинъ» за 1904 годъ, гдѣ проскользнуло выраженіе «покойный» Плеве и гдѣ видно было, что съ осени 1904 года началась «весна».

Кто и что виновникъ той весны и почему Плеве оказался покойнымъ, вы легко поймете, какое мучительное волненіе вызывали эти вопросы. 15-го сентября меня перевели къ старикамъ, которые случайно въ общихъ чертахъ узнали о переворотѣ, о пораженіи, о думѣ и пр. Отъ такихъ ошеломляющихъ извѣстій немудрено съ ума сойти, а тутъ еще и свиданіе съ этими прямо легендарными страдальцами. Я говорю «легендарными» потому, что нѣкоторыхъ вродѣ Фроленко, Морозова, Лопатина, трудно даже представить, до того, кажется, они принадлежатъ уже къ древней исторіи русской революціи. Съ какимъ страннымъ чувствомъ бывало смотришь на этихъ старцевъ, столько ужасныхъ вынесшихъ въ своей жизни, половина которой проведена въ тюрьмахъ, и все-таки сохранившихъ весь пламень вѣры и преданности дѣлу.

Глядя на нихъ, какъ-то совѣстно становится

за легкую участь, выпавшую на твою долю. Подумайте только, вѣдь они почти 20 лѣтъ прожили при невѣроятной обстановкѣ, въ убійственномъ сознаніи, что чуть ли не все погибло, что заря, быть можетъ, теперь дальше, чѣмъ казалось 20 лѣтъ назадъ. Ты же только вошелъ въ Шлиссельб. и уже услышалъ о результатахъ, превзошедшихъ всѣ ожиданія. Намъ не долго пришлось пробыть вмѣстѣ, вскорѣ на смѣну имъ были приведены Сикорскій, Сазоновъ, этотъ образецъ борца и кристальной души. Промелькнуло нѣсколько свиданій съ родными. Предъ нами начала развертываться величавая картина необычайныхъ событій на Руси. Подробно объ этомъ времени, о нашемъ отъѣздѣ, подробности казни Каляева и Гершковича, все, что удалось узнать; о паденіи Качуры и пр., я уже писалъ товарищамъ въ часовую башню, съ просьбой переслать вамъ, если еще не получили, вѣроятно, скоро получите. Когда уходимъ отсюда и куда—неизвѣстно. Говорятъ, будто въ Акатуй. Департаментъ полиціи все еще не выпускаетъ насъ изъ своихъ когтей. Разсадили по одиночкамъ, даже прогулки одиночныя; приставили жан-

дармовъ, словомъ, измышляютъ козни; со дня на день жду перевода въ больницу для операціи. Постарайтесь пожалуйста установить сообщенія, а то съ тоски подохну. Пробуду тамъ недѣлю, а можетъ быть, больше. Самое важное, газеты и партійныя дѣла. Подробности расчитываю получить отъ васъ. Въ виду сильнаго надзора за нами, сношенія идутъ крайне непра ильно. Въ женскіе корпуса и въ полицейскую башню и сѣверную подробно не удалось намъ написать. Намъ сообщили, что доставили 5 соціалистовъ-революціонеровъ изъ Чернигова, «каторжанъ», между ними и покушавшуюся на черниговскаго губернатора. Товарищъ ея казненъ. Ее сюда привели въ кандалахъ. Недурные нравы. Почему вы думаете, что мы въ сношеніи съ Полторацкимъ? Мы даже не знаемъ, гдѣ онъ, и никакихъ извѣстій отъ него не имѣемъ. Въ деньгахъ, платьѣ и прочемъ нужды нѣтъ. У насъ начались свиданія съ родными, но при такой отвратительной обстановкѣ, что лучше бы ихъ не было. Сегодня я прервалъ свиданіе съ братомъ, заявивъ, что при такихъ условіяхъ отъ свиданія отказываюсь. Помощникъ Давыдовъ

стоитъ передъ вами вплотную и не даетъ говорить ни о чемъ, кромѣ какъ о семейныхъ дѣлахъ Ну, друзья, будетъ, надо кончать, плохо пишется, нѣтъ увѣренности, что письмо попадетъ въ ваши руки. Мы здоровы и бодры. Завтрашній день принадлежитъ намъ. Кланяйтесь, на волѣ всѣмъ, всѣхъ горячо обнимаю. Сложившіяся обстоятельства наложили на ихъ плечи тяжелую ношу, да поможетъ имъ богъ и русской революціи снести ее и выполнить великую святую задачу, воздвигнутую исторіей. Съ братскимъ привѣтомъ жмемъ ваши руки, дорогіе товарищи, и горячо цѣлуемъ. До лучшихъ дней.

Г. Гершуни.

Какъ сами революціонеры относятся къ такимъ крайнимъ средствамъ, какъ бомба, показываетъ между прочимъ опубликованный въ нумерѣ еженедѣльнаго новаго журнала „Арабески“ отзывъ, поданный Гершуни прокурору судебной палаты. Охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ ходъ нашей реакціи, Гершуни писалъ:

Кто жилъ среди людей мыслящихъ и чувствующихъ, знаетъ, какой невыносимый адъ создало для нихъ это время, знаетъ—какъ они терзались, какъ метались въ поискахъ разумнаго выхода изъ этого положенія. Тутъ рѣчь шла уже не объ измѣненіи строя и формы правленія, а объ огражденіи страны отъ неслыханныхъ насилій и произвола, о необходимости самозащиты и самообороны. Все съ безпощадной неумолимостью толкало на жестокій путь, отъ котораго съ ужасомъ и содроганіемъ отшатывается естественное человѣческое чувство. Казалось, нѣтъ въ природѣ силы, которая заставила-бы преодолѣть это чувство.

Но то, что не подъ силу никому, оказалось подъ силу современному режиму. И вѣчнымъ проклятіемъ будетъ лежать на этомъ режимѣ то,

что онъ заставилъ русскихъ революціонеровъ снова вступить на ненавистный путь террористической борьбы. А когда, съ выстрѣломъ Балмашова, борьба эта началась, правительство, вмѣсто того, чтобы вдуматься въ причины начавшей разыгрываться трагедіи, по обыкновенію, видитъ только случайности, личную злую волю, подстрекателей, сообщниковъ и проч., и врачуетъ раны страны висѣлицами, какъ бы не желая понять, что тамъ, гдѣ существующія условія превратили для гражданъ жизнь въ сплошное страданіе, страданіе за благо народа превращается въ наслажденіе. Правительство можетъ отнять у насъ возможность честно жить, но не въ его власти препятствовать честно умереть. Мы соціалисты-революціонеры, ставимъ своей задачей развитіе самосознанія трудового народа и руководительство имъ въ борьбѣ за политическое и экономическое освобожденіе. Эту борьбу партія соціалистовъ-революціонеровъ ведетъ и будетъ вести при всѣхъ условіяхъ. Но въ то время, какъ во всей Европѣ эта борьба давно узаконена, признана необходимымъ элементомъ общественной жизни и

вслѣдствіе этого ведется культурными средствами—условія русскаго режима, къ несчастью, предъявляютъ къ ней другія требованія. Въ полной власти правительства эти условія измѣнить и тѣмъ самымъ уничтожить нежелательные и неестественные способы борьбы. Но пока оно этого не сдѣлало, пока оно, наоборотъ, отягчаетъ эти условія и своими репрессіями ободряетъ борьбу, оно и одно оно виновато во всѣхъ послѣдствіяхъ. Горе странѣ, правительство которой забываетъ непреложный и естественный законъ, что уголъ отраженія равенъ углу паденія, законъ, одинаково дѣйствующій и въ общественной жизни.

Это признаніе не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію тѣмъ, которые до сихъ поръ всѣ свои надежды возлагаютъ на штыки и казни.

ДѢЛО Г. А. ГЕРШУНИ.

Въ 1901 году въ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ образовалась Боевая Организація. Цѣль Боевой Организаціи состоитъ въ томъ, чтобы наказывать смертью самыхъ вредныхъ для народа царскихъ слугъ, враговъ народа.

2-го апрѣля 1902 года одинъ изъ членовъ Боевой Организаціи, студентъ Степанъ Валерьяновичъ Балмашевъ, застрѣлилъ министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Этотъ Сипягинъ прямо грозилъ залить кровью весь Петербургъ, чтобы остановить рабочее движеніе; по его приказу разстрѣливали забастовавшихъ рабочихъ въ Петербургѣ и Батумѣ; онъ-же запретилъ добрымъ людямъ помогать голодающимъ крестьянамъ во время неурожая 1901 года. За все это, и также за много другихъ преступленій противъ народа Балмашевъ и убилъ Сипягина.

Балмашева повѣсили, но остальныхъ членовъ Боевой Организаціи не нашли. Въ тотъ же годъ 29-го іюля другой членъ Боевой Организаціи рабочій, Ѳома Качуръ, стрѣлялъ въ Харьковскаго губернатора, Оболенскаго, но промахнулся.

Оболенскій всегда вредилъ народу, но особенно отличился, когда харьковскіе крестьяне, изголодавшись, стали разбирать хлѣбъ у помѣщиковъ и хотѣли подѣлить по справедливости землю. Оболенскій напустился тогда какъ звѣрь на крестьянъ и приказалъ ихъ пороть безъ пощады. Нѣкоторыхъ запороль на смерть, а женщинъ и дѣвушекъ отдалъ казакамъ на поруганіе.

Боевая Организація рѣшила убить Оболенскаго за его злодѣйства, но этого не удалось сдѣлать.

Качура послѣ выстрѣла схватили и приговорили къ смертной казни, но потомъ помиловали и посадили на 20 лѣтъ въ одиночное заключеніе.

13-го марта 1903 года уфимскій губернаторъ Богдановичъ велѣлъ въ Златоустѣ стрѣлять въ

толпу, которая состояла изъ забастовавшихъ рабочихъ, ихъ женъ, дѣтей и посторонних зрителей. При этомъ было убито на повалъ 28 человѣкъ и ранено около двухсотъ. Нѣсколько десятковъ раненыхъ умерло впослѣдствіи отъ ранъ. 6-го мая того же года, по приговору Боевой Организаціи, Богдановичъ былъ застрѣленъ, и стрѣлявшіе убѣжали отъ погони.

Долгое время правительство не находило никакихъ слѣдовъ Боевой Организаціи. Сколько ни старалась вся свора полицейскихъ, жандармовъ и сыщиковъ, — они ничего не могли узнать, пока не явились предатели.

8-го февраля 1903 года полиція заподозрила двухъ офицеровъ въ томъ, что они причастны къ революціонному дѣлу. При обыскѣ у одного изъ нихъ, Васильева, нашли запрещенныя книжки. Когда его стали допрашивать, онъ разсказалъ, что книжки далъ ему другой обысканный офицеръ, поручикъ Григорьевъ. У Григорьева ничего не нашли, но, узнавъ, что его выдалъ товарищъ, онъ признался, что давалъ ему книжки. Тутъ жандармы пристали къ Григорьеву вплотную и вдобавокъ собст-

венная жена начала его упрашивать, чтобы онъ все выдалъ. Она думала, что за это его помилуютъ. Сама она разсказала все, что только ей было извѣстно и обѣщала жандармъ уговорить къ[illegible]у и мужа. Поэтому ее часто пускали видѣться съ нимъ наединѣ и предоставили склонять мужа къ предательству какими угодно способами. Эта подлая женщина добилась таки въ концѣ концовъ своего, и Григорьевъ далъ откровенныя показанія. Онъ разсказалъ, что одинъ знакомый свелъ его съ человѣкомъ, котораго звали „Федоромъ Петровичемъ". Этотъ Федоръ Петровичъ давалъ ему читать „Революціонную Россію" и разсказывалъ о беззаконіяхъ, которыя творитъ правительство. Своими разсказами Федоръ Петровичъ сильно подѣйствовалъ на Григорьева, такъ что тотъ выразилъ даже желаніе убить кого-нибудь изъ правительственной шайки.

Однажды Федоръ Петровичъ принесъ къ Григорьеву пистолетъ и попросилъ сказать, хорошъ-ли онъ. На этомъ пистолетѣ было проставлено три номера. Федоръ Петровичъ спилилъ два изъ нихъ и отвинтилъ щеки. Кромѣ

того онъ разспрашивалъ Григорьева о принадлежностяхъ адъютантской формы. Все это было незадолго до того, какъ Балмашевъ убилъ Сипягина. Когда Григорьевъ узналъ о смерти Сипягина, то сейчасъ же подумалъ, что тутъ не обошлось безъ участія Федора Петровича. Дѣйствительно, потомъ оказалось, что Балмашевъ былъ одѣтъ въ адъютантскую форму и на пистолетѣ, изъ котораго онъ стрѣлялъ, два номера были спилены, и щеки отвинчены. Когда этотъ пистолетъ жандармы показали Григорьеву, онъ тотчасъ-же призналъ его за тотъ самый, который приносилъ Федоръ Петровичъ.

Такимъ образомъ Григорьевъ узналъ объ участіи Федора Петровича въ убійствѣ Сипягина. Вскорѣ послѣ этого онъ самъ рѣшился убить другого злѣйшаго врага русскаго народа: оберъ-прокурора святѣйшаго сунода Побѣдоносцева. Этотъ Побѣдоносцевъ былъ ближайшій совѣтникъ царя и особенно отличается тѣмъ, что жестоко преслѣдуетъ всѣхъ тѣхъ христіанъ, которые не вѣрятъ въ поповъ и не хотятъ ходить въ церкви). По совѣту Федора Петровича рѣшено было убить Побѣдоносцева во время по-

хоронъ Сипягина, куда Григорьевъ, какъ офицеръ, легко могъ найти доступъ. Григорьевъ отправился на похороны, но, подойдя къ каретѣ Побѣдоносцева, струсилъ и вернулся домой. Послѣ этой неудачи, было рѣшено, что Григорьевымъ будетъ сдѣлана еще одна попытка убить Побѣдоносцева. Но скоро Федоръ Петровичъ уѣхалъ и прислалъ вмѣсто себя другого, чтобы помочь Григорьеву устроить дѣло.

Человѣкъ, котораго прислалъ Федоръ Петровичъ, назвался Кузнецовымъ. Этотъ Кузнецовъ нѣсколько разъ обсуждалъ съ Григорьевымъ, какимъ образомъ можно наказать Побѣдоносцева.

Но Григорьевъ уже началъ тогда очень трусить; опасаясь какъ бы не попасться, онъ уѣхалъ къ своей матери въ деревню, чтобы отдохнуть отъ постояннаго страха. Онъ думалъ также развязаться съ опаснымъ знакомствомъ. Вернувшись черезъ три мѣсяца въ Петербургъ, Григорьевъ узналъ, что въ его отсутствіе къ нему заходила какая-то дѣвушка. Онъ подумалъ, что это была фельдшерица Ремянникова, съ которой его познакомилъ Федоръ Петровичъ.

Послав къ Ремянниковой свою жену, Григорьевъ поручилъ ей сказать, что никакой помощи революціонерамъ больше онъ оказывать не станетъ. Ремянникова же отвѣтила, что Кузнецовъ уѣхалъ, но вмѣсто него долженъ повидаться съ Григорьевымъ другой человѣкъ. Тогда Григорьевъ велѣлъ женѣ заявить Ремянниковой, что видѣть этого человѣка онъ не хочетъ. Послѣ того къ Григорьеву больше никто не ходилъ. Книжки же, которыя нашли у поручика Васильева, далъ Григорьеву брать его жены Юрковскій. Такимъ образомъ, Григорьевъ выдалъ даже роднаго брата своей жены.

Черезъ недѣлю послѣ того, какъ былъ убитъ Богдановичъ, въ Кіевѣ на вокзалѣ заподозрили одного человѣка. Когда этого человѣка арестовали, то у него нашли два поддѣльныхъ паспорта и револьверъ такого же устройства какъ и тѣ, изъ которыхъ стрѣляли Балмашевъ и Качуръ. Кромѣ того у арестованнаго было съ собой нѣсколько рукописей, писанныхъ его рукой. Въ этихъ рукописяхъ говорилось о смерти Богдановича и объяснялось, за что его убили.

Арестованный оказался Григоріемъ Андреевичемъ Гершуни. Григорьевъ въ то время уже сидѣлъ въ тюрьмѣ. Когда ему показали портретъ Гершуни, то онъ призналъ, что это и есть Федоръ Петровичъ. Вдобавокъ, противъ Гершуни свидѣтельствовала служанка той гостинницы въ городѣ Выборгѣ, гдѣ ночевалъ Балмашевъ наканунѣ смерти Сипягина. Эта служанка сказала, что Гершуни замѣшанъ въ покушеніи на Оболенскаго.

Выяснилось это такимъ способомъ, какого никто не ожидалъ. Оказалось, что Качуръ, просидѣвъ почти годъ въ одиночномъ заключеніи, заявилъ о своемъ раскаяніи и даже сталъ выдавать. До сихъ поръ въ точности неизвѣстно, какимъ образомъ довели его до этого. Но извѣстно, что онъ цѣлыхъ три мѣсяца сидѣлъ въ ожиданіи казни и ему не объявляли о помилованіи. Передаютъ, что онъ похожъ на сумасшедшаго.

Качуръ между прочимъ сказалъ, что былъ знакомъ съ однимъ рабочимъ Арономъ Вейценфельдомъ. Этотъ Вейценфельдъ, по словамъ Качура, давалъ ему запрещенныя книжки и мно-

го бесѣдовалъ съ нимъ. Тогда у Качура явилась мысль о необходимости прибѣгать къ террору. Объ этомъ онъ сообщилъ Вейценфельду и выразилъ желаніе примкнуть къ Боевой Организаціи. Вейценфельдъ направилъ его въ Кіевъ. Здѣсь Качуръ встрѣтился съ неизвѣстнымъ ему интеллигентнымъ господиномъ, который помогъ ему снестись съ Боевой Организаціей. Для этого онъ далъ ему дощечку и велѣлъ пойти съ ней въ городской садъ. Тамъ Качуръ долженъ былъ подойти къ человѣку, который будетъ сидѣть на скамейкѣ, держа въ рукахъ бѣлый платокъ. У этого человѣка слѣдовало спросить „который часъ", и если онъ отвѣтитъ „пора обѣдать", то отдать ему дощечку. Качуръ все такъ и сдѣлалъ, какъ ему было велѣно. Неизвѣстный человѣкъ вынулъ изъ кармана дощечку и примѣрилъ ее къ той, которую далъ ему Качуръ. Обѣ дощечки оказались одинаковыми. Тогда неизвѣстный человѣкъ увелъ Качура въ лѣсъ и тамъ они уговорились насчетъ вступленія Качура въ Боевую Организацію. Неизвѣстный человѣкъ далъ Качуру денегъ на покупку всего, что нужно было

для покушенія и намазалъ ядомъ
Оболенскій умеръ далеe отъ легкой его арестовать.
нѣсколько разъ видѣлся съ этимъ нѣсколько разъ
Ни фамиліи, ни мѣстожительства сыщикъ выпу-
того человѣка Качуръ не зналъ. убѣжалъ, оставивъ
когда жандармы показали ем[ъ] ...инной Россіи", нем-
шуни, онъ призналъ, что эт[о] ...та и кое-какія писан-
ловѣкъ, который помогалъ ...я на какое-то участіе
шеніе на Оболенскаго.

Такимъ образомъ жанда[рмы] ...хъ революціонныхъ дѣ-
то Гершуни участвовалъ в[ъ] ...льникова, Гершуни и
евой Организаціи.

Кромѣ Гершуни заподоз[рѣли] ...за принадлежность
фельда и Ремянникову, что[бы] ...Революціонеровъ, и за
вали въ Боевой Организ[аціи]. ...анизаціи. Вайценфельда
Ремянниковой нашли м[ного] ...ли въ томъ же, по суд
книжекъ, напечатанныхъ ...Боевой Организаціи не
люціонерами. Ремянник[ова] ...ельда осудили на 4 года
щенфельда тоже. ...принадлежность къ Пар-
волюціонеровъ, а Ремян-

Оставалось найти Ку[ликова]. ...запрещенныхъ книжекъ—
26 января 1903 года а[рестовали] ...мы и три года полиціи-
дента Мельникова. При ...ъ и его жена изъ всѣхъ
фальшивый паспортъ, ...ть другимъ обвиняемымъ.
книжекъ и рукописи, ...я тѣмъ, что даже одинъ

ь этимъ было видно, что Мельни-
го бесѣдовалъ справедливымъ убивать враговъ
лась мысль о несъ его портретъ Григорьевъ за-
рору. Объ этомъ есть Кузнецовъ. Мельниковъ
и выразилъ желанiе утверждалъ, что Григорьева
ганизацiи. Вейцен цовымъ не назывался, да и
евъ. Здѣсь Качуръ о время не былъ. Но про-
нымъ ему интеллиге видѣтельствовала еще вы-
торый помогъ ему с Она говорила, что Мельни-
зацiей. Для этого о лмашеву въ номеръ. На
лѣлъ пойти съ ней ражалъ, что онъ никакъ не
Качуръ долженъ бы Выборгѣ, потому что жилъ
торый будетъ сидѣть немъ Русакова. Дѣйстви-
рукахъ бѣлый платокъ шло, что какой-то Руса-
довало спросить „кот время въ Кiевѣ, въ той
отвѣтить „пора обѣда а которую указалъ Мель-
ку. Качуръ все такъ , корридорные не приз-
ло велѣно. Неизвѣстны тому оставалось сомнѣ-
кармана дощечку и пр другой проживалъ подъ
торую далъ ему Качуръ имъ образомъ стало воз-
лись одинаковыми. Тог кова въ соучастiи съ
вѣкъ увелъ Качура въ л того еще обвинили въ
рились насчетъ вступле Дѣйствительно, когда
Организацiю. Неизвѣстн лъ въ Саратовѣ, за нимъ
ру денегъ на покупку

увязался сыщикъ и хотѣлъ его арестовать. Мельниковъ ударилъ сыщика нѣсколько разъ перочиннымъ ножичкомъ. Тогда сыщикъ выпустилъ Мельникова, и онъ убѣжалъ, оставивъ на мѣстѣ пачку „Революціонной Россіи“, немного типографскаго шрифта и кое-какія писанныя бумаги, указывающія на какое-то участіе Мельникова въ серьезныхъ революціонныхъ дѣлахъ.

Судъ приговорилъ Мельникова, Гершуни и Григорьева къ повѣшенію за принадлежность къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ, и за участіе въ Боевой Организаціи. Вейценфельда и Ремянникову обвиняли въ томъ же, но судъ призналъ, что они въ Боевой Организаціи не участвовали. Вейценфельда осудили на 4 года каторжныхъ работъ за принадлежность къ Партіи Соціалистовъ—Революціонеровъ, а Ремянникову за храненіе запрещенныхъ книжекъ — на три мѣсяца тюрьмы и три года полицейскаго надзора.

На судѣ Григорьевъ и его жена изо всѣхъ силъ старались вредить другимъ обвиняемымъ. Вообще, они вели себя такъ, что даже судьи

было противно ихъ слушать; за то другіе подсудимые бодро и честно несли знамя свободы. Вейценфельда назвали „желѣзнымъ„ за смѣлость и стойкость, съ которыми онъ держался. Ремянникова разсказала судьямъ про то, что она видѣла въ деревнѣ во время голода. Описавъ крестьянскую нужду и горе, она заявила, что старалась, сколько могла, помочь Партіи Соціалистовъ—Революціонеровъ бороться за долю народа. Гершуни все время былъ совершенно спокоенъ и услышавъ рѣшеніе, бросился поздравлять Ремянникову, нисколько не думая о себѣ.

„Вотъ это человѣкъ!“ сказалъ про него одинъ изъ судей. Эти слова произнесъ Пилатъ, когда отдавалъ Христа на распятіе.

Вмѣсто смертной казни Гершуни назначили вѣчное одиночное заключеніе въ Шлиссельбургской крѣпости. То же наказаніе назначено и Гельшикову.

Вейценфельдъ и Григорьевъ были приговорены на 4 года въ каторжныя работы.

Наказаніе Вейценфельдъ отбывалъ въ Акатуѣ и въ октябрѣ 1905 г. амнистированъ.